

Андрей Устинов
Стихотворение, содержащее аллегорию,
или последняя публикация Бориса Божнева

Борису Равдину с признательностью

В отличие от своих «литературных соратников», в том числе графоманствовавшего, но при этом нечасто печатавшегося Бориса Поплавского, Борис Божнев намеренно ограничивал свои публикации в периодике. Если его произведения и печатались в журналах, то исключительно в тех, с которыми он был напрямую связан через редакторов поэтических разделов, будь то «Воля России» или «Числа», или же и вовсе обладал правом исключительного редакционного голоса, как в журнальчике «Стихотворение. Поэзия и поэтическая критика», который скорее можно отнести к разряду поэтических альманахов.

Отдельное место занимает появление его стихотворений в третьей книге московских сборников «Недра»¹, переданных Владимиром Свешниковым вместе со стихами Александра

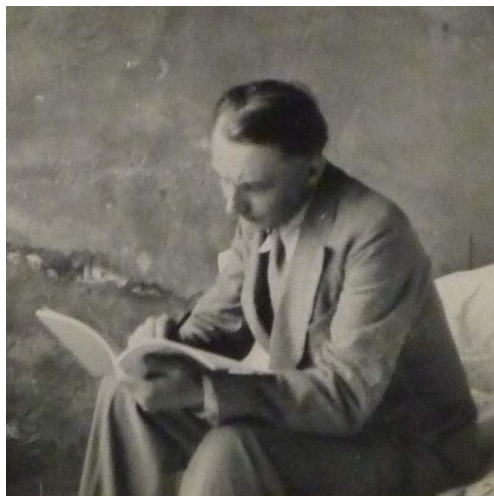
© Andrei Ustinov, 2013

© TSQ 43. Winter 2013 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Настоящая работа была написана и должна была войти в состав сборника в честь 70-летия Бориса Равдина «Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе» (Stanford Slavic Studies. Vols. 42/43. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 2012). К сожалению, редакционная коллегия фештшрифта не сочла возможным напечатать эту статью и отказала автору в публикации.

Пользуясь случаем извиниться перед Б. А. Равдиным за то, что я не смог — по не зависящим от меня причинам — выступить среди авторов этого двухтомника, и поблагодарить юбиляра за мудрый совет преодолеть неприязнь к просоветским и пронацистским изданиям и относиться к ним просто, как к историческим источникам. А также заодно — вспомнить то неподдельное восхищение, которое мне довелось испытать от открытого и щедрого содействия Бориса Анатольевича в подготовке сборника «Vademecum» (М.: Водолей, 2010).

Гингера и своими для публикации главному редактору этого издания Н. С. Ангарскому в Берлине. Сам Свешников вскоре вернулся в Советскую Россию, был арестован, сослан и стал известным поэтом Соловецких лагерей особого назначения под псевдонимом Кемецкий².

Борис Божнев в 1946 г.
(Boris Bozhnev Papers. Courtesy of Hoover Institution Archives)

Тройственный союз этих поэтов был воспет в существующем в нескольких версиях ироническом дифирамбе Поплавского «Оно»:

Спокойный сон, неверие мое,
Непротивленью счастью дремоты.
В [том] сем Ваше обнаженье самое
Поэзии блистательные моты.
<...>
Приятно пишет Александр Гингер
Достоин лудших, чем теперь, времен

¹ *Литературно-художественные сборники Недра*. М.: Новая Москва, 1924. С. 134–135.

² См. подробнее: «Неизвестный Божнев». Публ. Лазаря Флейшмана. *Readings in Russian Modernism: To Honor Vladimir Fedorovich Markov*. Ed. by Ronald Vroon, John E. Malmstad. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. I). М.: Наука, 1993. С. 106.

И Свешников, чудесный миннезингер,
И Божнев Божий с неба обронен.³

Такая совместная публикация была не только частью коллективного выступления Божнева со своими «соучастниками»⁴, но и выражением его политических пристрастий. Никогда не заявляя об этом декларативно, Божнев тем не менее допускал неизбежность взаимопроникновений поэтического ремесла и политической позиции. Так, он пользуется политической терминологией для категорической оценки поэтических воззрений Сергея Шаршуна, когда последовательно в нескольких письмах 1929 года к Гингеру подвергает критике их совместный с Шаршуном журнал-листочку «Русский хайкай»⁵:

³ См.: Vladimir Khazan. "Some Observations on the Early Years of Émigré Poetry." *The Russian Emigration: Literature. History. Chronicle of Films*. Ed. by V. Khazan, I. Belobrovtsseva, S. Dotsenko. Jerusalem—Tallinn: Gesharim, 2004. С. 155, 169; где анализируется одна из версий стихотворения. Здесь четверостишие цитируется по наиболее полному (36 строк) автографу из собрания С. А. Карлинского. О законченности стихотворения (в отличие от других вариантов) свидетельствует проставленная под ним дата написания: «Париж 14 октября <1924 г.>. 11—12 часов ночи на улице». Над фамилией «Свешников» вписано «Кемецкий», в таком варианте: «И Кемецкий нежнейший миннезингер» (с ударением на первом слове), — фрагмент стихотворения сохранился в архиве А. Гингера и А. Присмановой (University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3. Далее везде: *UIUC*).

⁴ Как и «литературные соратники», «соучастники» — формулировка самого Божнева в его письме к А. Гингеру мая-июня 1929 г.:

«Вышедшее на днях полное собрание Ваших сочинений-мыслей — за последние три года — вызвали крайнее возмущение и недоумение и печальное негодование среди некоторых Ваших приятелей и друзей, — к ним причисляю и себя.

Действительно, худшего для себя и для нас — т. е. литературных соратников, „соучастников“ Ваших — Вы сделать не могли.

Молчать три года и выступить с несколькими „мыслями“ — чрезвычайно плоскими — что это: „глупость или измена“?»

(Андрей Устинов, Владимир Хазан. «Конструкция преданности: Борис Божнев в письмах Александру Гингеру и Анне Присмановой». *Toronto Slavic Quarterly*. 2012 (Fall). Vol. 42. P. 180—181. Далее везде — *TSQ*).

Относительно Шаршуна. Стыдного, конечно, ничего. Но и вообще — ничего. Шаршун никакого отношения к поэзии или прозе не имеет. Он то, что в политике называется „дикий“. Связывать хотя бы на миг свое поэтическое дело с его „делом“ это значит надолго „одичать“.

(Кстати, все, абсолютно все „мысли“ Шаршуна этой листовки никчемны, неинтересны, напыщенно-бездарны, не выше по своему уровню какого-нибудь „возрожденческого“ Lolo — только „левые“, а тот — „правый“.)⁶

Обращаясь к политической терминологии, Божнев тем самым настаивает на необходимости четкого осмысления и направления литературной работы.

Осознанная Божневым взаимозависимость собственного «поэтического дела» и политической заинтересованности получает дополнительное преломление в 1940-е годы, когда при посредничестве Гингера его тексты публикуются в нью-йоркском журнале «Новоселье». Сначала, в двух номерах журнала — № 2 (март 1942) и № 7—8 (декабрь 1943 — январь 1944) — были напечатаны фрагменты из книги «Саннодержавие. Четверостишия о снеге» (1939). А в № 7 за 1942 год (сентябрь—октябрь) появилась «Элегия эллическая» с оговоркой редакции: «Печатаемая ниже поэма Б. Божнева доставлена нам из Франции, где в настоящее время находится ее автор»⁷. Не без участия Гингера было осуществлено и последнее печатное выступление Божнева «в просоветском парижском еженедельнике *Честный Слон* в мае 1945 г.»⁸.

В отличие от публикаций в «Новоселье», сделанных вне авторского волеизъявления («по всей вероятности, без ведома

⁵ С. Шаршун (S. Charchoune) и А. Гингер (A. Ginger). *Перевоз (Transbordeur) № 10: Русский хай-кай (Le hai-kai russe)*. Париж, 1929. В этом двустраничном памфлете первая страница принадлежит Шаршуну, а на второй — под общим заглавием «Игрушечные люди», — напечатано собрание афоризмов Гингера.

⁶ TSQ. P. 184. Lolo (настоящие имя и фамилия: Леонид Григорьевич Мунштейн; 1866/67—1947), сатирический поэт, регулярно печатавший стихи на «злобу дня» в парижской эмигрантской периодике.

⁷ *Новоселье*. 1942. № 7. С. 32; http://vtoraya-literatura.com/publ_339.html

⁸ «Неизвестный Божнев». Публ. Лазаря Флейшмана. С. 104.

автора»⁹), появление стихотворения Божнева в еженедельнике никак не оговаривается и позволяет сделать предположение, что эта публикация была предпринята поэтом вполне сознательно. Цель такой публикации совершенно соответствовала отстаиваемой Божневым необходимости обозначить взаимозависимость политических и эстетических убеждений поэта.

Газета «Честный Слон / L'honnête éléphant» выходила в Париже с 3 марта по 8 декабря 1945 г. как «первая русская сатирическая газета после освобождения Парижа от немецкой оккупации»¹⁰ под редакцией Дмитрия Кобякова¹¹ и, наряду со смежными изданиями «Русский/Советский патриот» и «Русские новости», отвечала немедленным запросам времени. Так, на страницах «Честного Слона» предпринимаются неловкие попытки выявления коллаборантов среди русских эмигрантов и проведения *l'épuration* методом печатания соответствующих фельетонов¹².

⁹ Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах*. Т. 2. Под ред. Лазаря Флейшмана. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 24). Berkeley, 1989. С. 285.

¹⁰ См. описание газеты и архивных материалов редакторского портфеля в коллекции Андрея Савина: http://rbr.lib.unc.edu/cm/card.html?source_id=03477.

¹¹ Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898—1978) — в эмиграции поэт и журналист, после возвращения в 1957 г. в СССР — прозаик.

¹² См., например, сатирические объявления грядущих публикаций, в том числе «коллективного русско-немецкого романа из эмигрантской жизни» «**Рука предателя** или На службе у Германии» (№ 5 (31 марта). С. 1); «Театральные будни» в разделе «Вместо хроники» (№ 6 (7 апреля). С. 3); изобличающий Г. Евангулова фельетон «Мертвые души» (№ 8 (21 ап-

Несмотря на политические предпочтения Божнева, его откровенные «симпатии к левым политическим течениям, в том числе, к советскому режиму»¹³, ещё больше обострившиеся за годы войны, невозможно представить его в числе пропонентов этой «охоты на ведьм». Одновременно, он преодолевает ограничения, связанные с его литературными воззрениями: жанровые — поскольку передает стихотворение в «еженедельную литературно-сатирическую газету», — и «стилистические» — поскольку отдаёт своё стихотворение в газету, издаваемую Кобяковым.

Отношения с ним Божнева были достаточно дружескими после переезда Кобякова из Праги в Париж и учреждения им издательства «Птицелов». Насколько можно судить по фрагментам плохо сохранившегося архива Кобякова, он даже планировал напечатать в своём издательстве книгу стихов Божнева «Вечный класс», однако книга так и не вышла в свет. Ко времени их знакомства относится инскрипт Кобякова на первой книге, изданной «Птицеловом», — сборнике «Керамика: Тринадцать вещей двадцать четвёртого года» (Париж, 1925):

Поэту
Борису
Божневу —
безжалостно —
автор.
апрель 1925.
Париж.¹⁴

В 1926 г. Кобяков выступает как издатель и редактор журнала «Ухват», который становится его первым опытом в сатирической журналистике¹⁵. Этот журнал пользуется популярностью у читающей эмигрантской публики вследствие своей

реля). С. 2) и проч.

¹³ См. подробнее: А. Устинов, К. Поливанов. «На грани: Борис Божнев в 1930-е годы». *From the Other Shore*. Vol. 2 (2002). P. 34—35, 38—39.

¹⁴ Книга хранится в собрании редких книг и рукописей Библиотеки Грин Стэнфордского университета (Стэнфорд, Калифорния).

¹⁵ Между 31 марта и 20 июля 1926 г. всего было издано 6 номеров «Ухвата».

аполитичности. В самом первом номере журнала, вышедшем в свет 1-го апреля (хотя в самом № 1 дата выпуска указана «31-го Марта 1926 г.»), аполитичность была представлена как «политическая физиономия» «Ухвата»:

Имеют ли право люди, ни состоящие в полит. Партии, ни объединяющиеся и не съезжающиеся в качестве патриотов, прожив добрый пяток лет в «эмигрантском болоте», остаться *malgré tout* самими собой — и издавать журнал — да еще какой с а т и р и ч е с к и й ? <...>

Выпустив этот номер, такой скучный для нас самих, мы даем себе слово впредь политических физиономий не касаться и быть, как положено молодым и неопытным

благовоспитанными*)¹⁶

Чтобы быть в следующих № № более содержательными, — мы возродим тещу, будем умно острить о квартирной плате или *carte d'identité*, или, чего лучше, рисовать смешные картинки и шутить

над большевиками

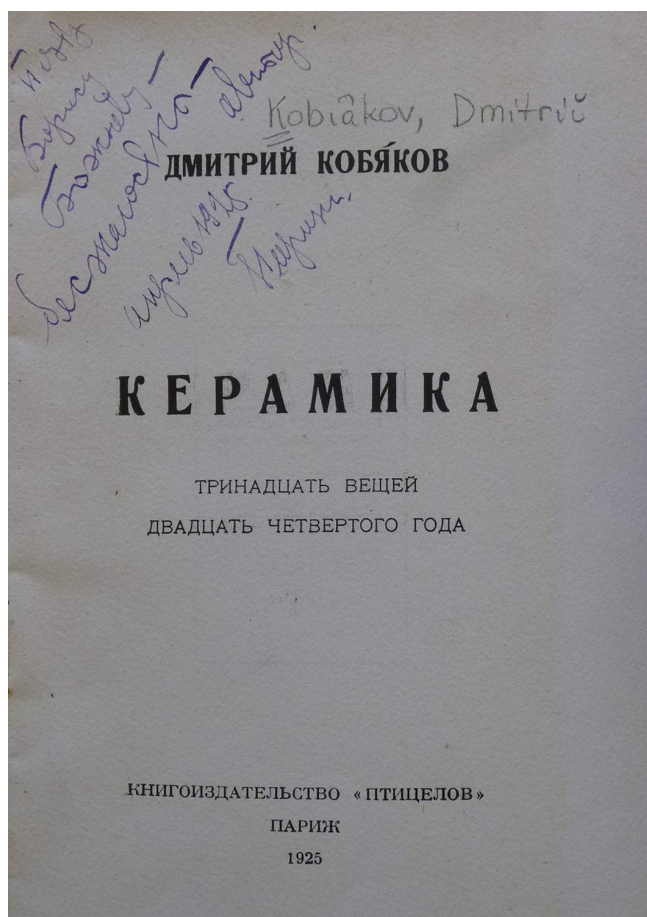
Это никому не надоело и всем будет интересно и, прежде всего, ново...¹⁷

По причине той же нарочитой аполитичности сотрудничество в журнале принимают Надежда Тэффи и Саша Чёрный, а Алексей Ремизов с самого первого номера выступает на страницах «Ухвата» с рассказами, скетчами, картинками и мистификациями. Оформлением «Ухвата» занимаются редактор Кобякова по первому номеру карикатурист А. Шем (Александр Шеметов) и только начинающий, но вскоре прославившийся как книжный иллюстратор Фёдор Рожанковский. Журнал печатает рассказы Михаила Зощенко — писателя, наиболее популярного в 1920-е годы среди эмигран-

¹⁶ Проставленное здесь примечание: «*) Не смешивать с „благонамеренными“, — выпад в сторону одноимённого журнала, выходившего в Брюсселе под редакцией Д. А. Шаховского. Первый выпуск «Благонамеренного» дошёл до Парижа в середине января 1926 г.

¹⁷ *Ухват: Сатирический журнал*. 1926. № 1. С. 1.

тов, — а также тексты представителей «молодого поколения» эмигрантской словесности Георгия Евангулова и Сергея Шаршуна.

Божнев участия в «Ухвате» не принимает — скорее всего, из-за откровенной неприязни к «амикошонству», проявлявшемуся в сатирической составляющей журнала. О его довольно резком отношении к Кобякову в конце 1920-х годов дают представление несколько колких фраз в тех же письмах к Гингеру:

Еще немного, и триада — Шаршун, Гингер и Кобяков станет реальностью <...>. Пишу все это Вам я, потому

что другим в конце концов все-таки в высшей степени безразлично — будете ли Вы печатать мысли об онанизме с Кобяковым или с другим каким-нибудь Маниаковым.

Доморощенный, безграмотный дадаизм, разбавленный карикатурной, кощунственной розановщиной (кощунственной по отношению к великому выстрадавшему стилю-тону Розанова) — вот что остается от «Преданности» поэзии.¹⁸

Каждый из нас идет своим путем и делает дело поэзии, как понимает.

Конечно, я предпочел, чтобы Вы молчали, как Рэмбо, чем кричали, как Шаршун или Кобяков. Боюсь, что и в 40 лет Вы еще будете с ними, а не со мной.¹⁹

Как ни странно, я до последнего времени предполагал, что Вы будете внутренне-тайно равняться на — П<оля> Валери или хотя бы П<оля> Реверди — ан выходит — на Шаршуна и Кобякова.

Да, в этом смысле «гордыня» у нас дьявольская, и мы будем равняться не с Вами, не в Вашем направлении, что, разумеется, Вы правы, наших личных отношений не может изменить, ни к лучшему, ни к худшему.

Но ведь те личные отношения, о которых Вы думаете, могут существовать только в те моменты, — «пока не требует поэта», — а там — в разные стороны.²⁰

Скорее всего Божнев отдает свое стихотворение именно в «Честный Слон», игнорируя при этом другие просоветские издания послевоенного Парижа, чтобы еще раз продемонстрировать свою преданность «литературным соратникам». Помимо довольно регулярных публикаций Гингера (под псевдонимом «Агния Нагаго»), включая в том числе вариацию его афоризма о «фруктовых водах» из «Русского Хай-Кая»²¹, в еженедельнике также были напечатаны стихотворе-

¹⁸ TSQ. P. 181.

¹⁹ *Ibid.* P. 184.

²⁰ *Ibid.* P. 188.

ния Ильязда и Довида Кнута²² и заметки Константина Терешковича — памяти Хаима Сутина и о выставке Пабло Пикассо²³. Кроме того, на страницах газеты промелькнули имена Андрея Белого²⁴ и Анны Ахматовой²⁵ — тех поэтов, рядом с которыми Божнев оформил свой литературный дебют в 1920 г.

Кроме того, поэт намеренно делает свою единственную публикацию в «Честном Слоне» строго тематической — стихотворение посвящено закончившейся войне, но магистральная тема нигде напрямую не называется, вследствие этого Божневу удастся избежать нарочитой злободневности. Более того, тема стихотворения старательно зашифрована в строгом соответствии с установленным для собственной поэзии принципом «герметичности», проповедовавшимся Божневым на протяжении своего литературного пути:

Испепелил огонь ее очей
Свою любовь, своих страстей законы —
У Хроноса украв его детей.
Она не знала, что такое Хронос...

Теперь, теперь услышала она
Все то, что было смуглости бледнее,
Увидела, куда вела луна,
Куда ее вела, идя за нею...

Так это я была *весь* тот костер,
Что только *часть* мне полночь отразила,
И утихал глубокомудрый спор,
Когда мое безумье говорило...

²¹ Агния Нагаго. «Из записной книжки». *Честный Слон*. 1945. № 30 (8 декабря). С. 1; ср. также: *TSQ*. P. 186.

²² Ильязд. «Rachel II». *Честный Слон*. 1945. № 1 (3 марта). С. 2; Довид Кнут. «Диалоги». *Там же*. 1945. № 15 (9 июня). С. 3.

²³ К. Терешкович. «О Сутине». *Честный Слон*. 1945. № 4 (24 марта). С. 3; Р. П. и К. Т. «Пикассо». *Там же*. 1945. № 20 (14 июля). С. 4.

²⁴ Димитрий Гамаюн. «Клочки воспоминаний: Андрей Белый» (№ 11 (23 июня). С. 2).

²⁵ Анна Ахматова. «Новые стихи». (№ 30 (8 декабря). С. 2), с указанием на источник: «„Знамя“, № 4, 1945».

Мой женский голос был почти мужским.
И меж землей и небом расстоянье
Я пролетала голосом своим
Почти на крыльях на почти свиданье...

Почти, почти встречались мы с тобой,
Лицом к лицу, кольцом к кольцу, к колечку,

Опьянены серебристою пальбой,
Шампанского златистою осечкой...²⁶

Испепелил огонь ее очей
Свою любовь, своих страстей законы —
У Хроноса украв его детей.
Она не знала, что такое Хронос..

Теперь, теперь услышала она
Все то, что было смутности бледнее.
Увидела куда вела луна.
Куда ее вела, идя за нею..

Так это я была в е с ь тот костер,
Что только ч а с т ь мне полночь отразила,
И утихал глубокомудрый спор,
Когда мое безумье говорило..

**Мой женский голос был почти мужским.
И меж землей и небом расстоянье
Я пролетала голосом своим
Почти на крыльях на почти свиданье..**

Почти, почти встречались мы с тобой,
Лицом к лицу, кольцом к кольцу,
к колечку.

**Опьянены серебристою пальбой,
Шампанского златистою осечкой..**

Борис Божнев.

Стихотворение Божнева медитативно и иносказательно. Значительность поэтической темы задана всего лишь намёком — указанием на войну титанов, осмелившихся бросить вызов богам. Именно поэтому ожидаемая грандиозность раскрытия темы и заданная торжественность описаний подменяются едва ли не интимными высказываниями, которые пронизывают всю поэтическую ткань. В самом финале содержится

²⁶ Честный Слон. 1945. № 11 (12 мая). С. 3.

аллегория Победы: она метонимически подсказывается в последнем катрене, — но и здесь величие этого события остается в рамках лирического переживания. Стихотворение Божнева отличается сдержанная страсть, передающая как бы умудрённый взгляд из вечности на одно из наиболее трагических и героических событий XX века.

В равной степени Божнев выбирает и поэтическую тональность. В соприкосновении с такой темой от Божнева можно было бы ожидать одической торжественности, которую неоднократно отмечали его критики²⁷. Однако в соответствии со своей поэтической задачей, Божнев выбирает приглушённую интонацию, более подходящую доверительной беседе между близкими людьми. В условной классификации, предложенной Полом Фазеллом²⁸, Божнев создаёт едва ли не идеальный текст стихотворения на тему войны: значительность события переносится им на совершенно интимный уровень, однако осознание этих личных переживаний позволяет достичь едва ли не мифологических обобщений, свойственных высокой поэзии.

Стихотворение «Испепелил огонь ее очей...» стало последним публичным печатным выступлением Бориса Божнева. Все последующие свои произведения он издавал сам и распространял их исключительно по подписке среди друзей и знакомых.

²⁷ Ср., в частности, мнение А. Эйснера, подчеркнувшего «подбор торжественных слов и образов, архаичность построения и блестящий вывод: „бессонница — почти бессмертье“» в стихотворении Божнева «Бессонница» (*Воля России*. 1928. № 6. С. 118), а также рассуждения Ю. Иваска о значении «высокого стиля» в стихотворениях современных поэтов, «и в особенности Божнева» (*Журнал Содружества*. 1935. № 9. С. 29—32).

²⁸ Paul Fussell. *The Great War and Modern Memory*. London—Oxford—New York, 1975. P. 131, *passim*.